

менным приходом рабочих в цех, она включает в себя сокращение обеденного перерыва, запрещение курения на работе, строгое наказание за потери долей секунды и даже ограничение времени пользования туалетом.

К числу экономических методов эксплуатации пролетариата относится и антирабочая политика монополий в области найма и увольнения трудящихся. В последние годы основу этой политики составляет принцип «омоложения рабочей силы». Суть его сводится к следующему. Научно-технический прогресс в условиях капиталистического развития японской экономики вызвал острую нехватку квалифицированной рабочей силы. Ее подготовка из числа уже занятых рабочих требует от монополий немало времени и значительных финансовых затрат. Поэтому монополистический капитал предпочитает «охотиться» за молодыми рабочими, и прежде всего за молодежью, оканчивающей высшие и средние учебные заведения. Более высокий общеобразовательный уровень последней позволяет в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами подготовить квалифицированных рабочих. Несмотря на то, что спрос на такую рабочую молодежь значительно превышает предложение, при малейшей возможности монополии увольняют рабочих так называемого «среднего» и «преклонного» возраста. На многих предприятиях страны существует неписаный закон, согласно которому мужчины в возрасте 40—45 лет, а женщины 25—30 лет должны по «собственному желанию» покинуть работу. Тех, кто отказывается сделать это, под разными предлогами переводят на самые низкооплачиваемые должности и в конце концов вынуждают уйти с предприятия. Часто, увольняя сравнительно высокооплачиваемых «престарелых» рабочих, предприниматели ввиду нехватки рабочей силы тут же нанимают их обратно в качестве «временных» работников. Теперь за ту же работу они получают в лучшем случае лишь половину прежней зарплаты. В аналогичном положении находятся и работники, занятые неполную рабочую неделю. По отношению к этим двум категориям трудящихся предприниматели не несут никаких обязательств и вправе выкинуть их с производства в любую минуту.

На подавляющем большинстве предприятий фактически возрождена существовавшая до войны сеть надсмотрщиков. Специальный штат бригадиров, мастеров, начальников цехов и руководителей отделов постоянно контролирует и подгоняет работающих. На усиление и расширение этого особого вида службы монополии не жалеют средств. Самая современная техника, включая компьютерные устройства, помогает контролировать как трудовой процесс в целом, так и отдельного рабочего. Эту же цель преследуют и успешно осуществляют «патриотические» движения типа «Зоро дэффект» (полное отсутствие брака), «Кволит контрол» (контроль за качеством), «Лейбор релейшн» (контроль за профсоюзной деятельностью).

С развитием научно-технической революции все более серьезное внимание японские монополии уделяют идейной обработке трудящихся. В последние годы «наступление на умы» рабочего класса приобрело небывалый широкий размах. Подчинить сознание рабочего класса своим интересам, заставить трудящихся непрерывно повышать производительность труда и тем самым добиваться еще большего увеличения прибылей —

такова основная цель идейного воздействия монополий на японский пролетариат. На подавляющем большинстве предприятий все еще широко применяются такие старые методы обработки трудящихся, как воспитание в них «любви к своему предприятию», «чувства гордости за его дела», «верности принципу компании», «беспрекословного выполнения указаний администрации». «Слово отца — закон для детей» — этот феодальный принцип японской семьи, перенесенный в промышленность в виде лозунга: «Президент — отец, рабочие — дети», все еще не снят с психологического вооружения современной монополистической буржуазии. На многих предприятиях еще и сегодня рабочий день начинается и кончается пением «гимна компании». Почти везде существуют тщательно разработанные и утвержденные руководством «принципы воспитания рабочих и служащих в духе компании».

В последние годы особое значение придается совершенствованию так называемой «индустриальной технологии»; ее основной задачей является тщательное изучение и использование в интересах монополий настроений рабочих и служащих. В стране непрерывно растет число финансируемых монополиями научно-исследовательских учреждений, занимающихся изучением этих проблем. На многих предприятиях существуют специальные психологи, дающие для работников компании бесплатные консультации по самому широкому кругу проблем, включая такие сугубо личные, как вопросы бракосочетания и супружеских отношений, планы на будущее и так далее. Определяя в ходе этих консультаций настроения рабочих и служащих, консультанты подробно информируют о них предпринимателей.

Усиленное психологическое наступление монополий на рабочий класс сопровождается широкой идеологической обработкой трудящихся. Доказать рабочим «абсурдность» классовой борьбы, «ненужность» выступлений против реакционной политики монополий, воспитать в них чувство антикоммунизма и национализма, добиться их сотрудничества в осуществлении различных планов правящих кругов — таковы основные цели этой обработки. Для их достижения монополии широко используют как средства массовой пропаганды — прессу, радио, телевидение, кино, — так и существующую почти на всех предприятиях страны «систему образования и воспитания трудящихся в рамках предприятий».

В последнее время наиболее важной составной частью идейной обработки трудящихся считается пропаганда «человеческих отношений между трудом и капиталом». На многих предприятиях широко используются такие демагогические приемы, как «привлечение рабочих к управлению предприятием», «проведение в цехах открытых бесед» с руководством компании, поздравление рабочих и служащих с днем рождения, так называемая система «нико-пон», когда предприниматель «дружески» улыбается рабочему и «по-товарищески» похлопывает его по плечу.

Прогресс науки и техники в условиях современной Японии означает, пользуясь известным выражением В. И. Ленина, «прогресс в искусстве выжимать пот». Это хорошо понимает подавляющее большинство рабочего класса Японии, решительно выступающего против антинародной политики монополий, за использование достижений научно-технической революции в интересах широких слоев трудящихся.

ШЕДЕВРЫ БЕЗЫМЯННЫХ МАСТЕРОВ

В. ВЕРИН

В ПОВСЕДНЕВНОЙ жизни Марокко есть одна приятная особенность, с которой сталкиваешься буквально на каждом шагу. В каждом доме, в каждой семье, будь то в городе или деревне, вы обязательно встретите подлинно художественные изделия народного творчества. Это может быть обеденный столик или сундук, поднос, медный чайник или глиняный кувшин, ковер, циновка или покрывало, праздничный национальный костюм, оружие, седло, женские украшения... В большинстве случаев исполнение отличается изяществом, чувством меры и артистизмом. Остается только удивляться, как такое могло родиться в жалкой лачуге задавленного нуждой крестьянина. А ведь именно в деревне особенно стойко держатся стародавние, не поддающиеся иноземным влияниям художественные традиции марокканского народа. Трудно представить себе, что многое из того, за чем буквально охотятся знатоки, изготовляется в тесных и темных каморках и полуподвалах, где обычно селятся профессиональные ремесленники. Впрочем, вам вряд

ли придет в голову назвать ремесленником искусного мастера.

Прикладное и декоративное искусство развивалось в Марокко по двум основным направлениям. Первое, более древнее, связано с берберскими традициями. Оно характерно прежде всего для деревни. Второе, более позднее, уходит своими корнями в мусульманское прошлое Иберийского полуострова, находившегося в течение нескольких веков под властью марокканских султанов. Это иславо-мавританское направление получило особенно широкое распространение в городах. Творения мастеров-берберов отличаются изысканной простотой форм, строгостью рисунка, сравнительно скупым подбором красок, иногда загадочной символикой и асимметрией; испано-мавританскому стилю свойственна причудливая орнаментация, многоцветность, стремление заполнять все оказавшееся во власти мастера пространство усложненным рисунком.

Как работают марокканские ремесленники, увидеть нетрудно. Расторопный гид всегда готов проводить вас на ковровую «фабрику», которая на поверку окажется небольшой комнатой с двумя-тремя станками, или в дубильный цех, если вас не пугает неприятный запах, исходящий из

чанов, в которых мокнут шкуры. Мастерские медников и чеканщиков легко найти самому по характерному перезвону резцов, обрабатывающих металл. Двери всегда открыты: ведь только через них проникает свет в мастерскую. И вы можете часами наблюдать, как мастер превращает латунный круг в поднос, наносит с помощью циркуля и линейки схему будущего узора, а затем начинает изобретать и самый рисунок. Резчик по дереву иногда обходится без предварительного наброска, отдаваясь воле своей фантазии. Но рука его движется уверенно, и под острым ножом на гладкой доске, которая станет либо крышкой стола, либо стенкой сундука, рождается своеобразный уникальный орнамент. Стоит завернуть за угол — и вы окажетесь в царстве ювелиров или мастеров золотого шитья, гончаров или оружейников.

Шерстяные покрывала, ковры, кожаные пуфы, глиняные вазы, медные подносы, серебряные и золотые украшения можно купить на рынке в Касабланке и Рабате, Танжере и Марракеше. Но это отнюдь не значит, будто везде делают примерно одно и то же. Напротив, когда в одном месте собираются творения мастеров, разделенных десятками и сотнями километров, перед вами особенно наглядно открывается все богатство и многообразие народного творчества. Даже самая обыкновенная галабия, этот традиционный, обычно шерстяной, балахон с широкими рукавами и капюшоном, надеваемый через голову, предстанет в нескольких вариантах: снежно-белая с узором сделана в Уэззани, ее легко отличить от темной однотонной галабии из Рифа; полосатое одеяние жителей Среднего Атласа не спутаешь с коричневой галабией из верблюжьей шерсти, сшитой в Тафилалете. Разных расцветок бывают и бурнусы, которые носят иногда, чаще в холодное время года, поверх галабии. У каждого города и района есть и свои излюбленные виды ремесленного производства, на которых они специализируются.

Марокканская традиционная архитектура немыслима без народных умельцев-мастеров — резчиков по камню, мрамору, дереву или гипсу, чеканщиков, специалистов по укладке мозаики из фаянса и керамики. Мечеть и старинный торговый склад, мусульманская школа-медресе и дворец сановника буквально ошеломляют своим феерическим убранством, с трудом поддающимся описанию.

Отрывок из книги «На марокканской земле», которая в скором времени выйдет в свет в издательстве «Мысль».

Это надо видеть. А увидев, поневоле вспомнишь Шахразаду с ее волшебными сказками и знаменитого багдадского халифа Гаруна ар-Рашида, который мог бы позавидовать владельцам таких сокровищ. Одни кедровые потолки чего стоят! Их и сравнить, пожалуй, не с чем. Разве что с тончайшими кружевами... Восхитительны пирамидальные купола, из-под сводов которых свисают сталактиты из резного коричневого или золоченого кедра, образующие фантастический узор, построенный в строгом соответствии с законами симметрии. Столь же ювелирно сработаны арочные проемы, соединяющие смежные помещения, и капители колонн внутренних галерей. Сами колонны нередко украшены многоцветной мозаикой, как стены и полы. Мозаичная плитка, покрытая эмалью живых, или блеклых, или перламутровых тонов, располагается по определенным, строгим правилам геометрического орнамента, который гармонирует с затейливым рисунком верхней части стены, отделанной резцом скульптора.

Податливый материал, обычно гипс, позволяет добиться особой тонкости в создании причудливых арабесок, филигранных розеток, завитков, переплетений стилизованных цветов, пальмовых листьев и виноградных лоз с арабской вязью каллиграфически выписанных изречений из корана.

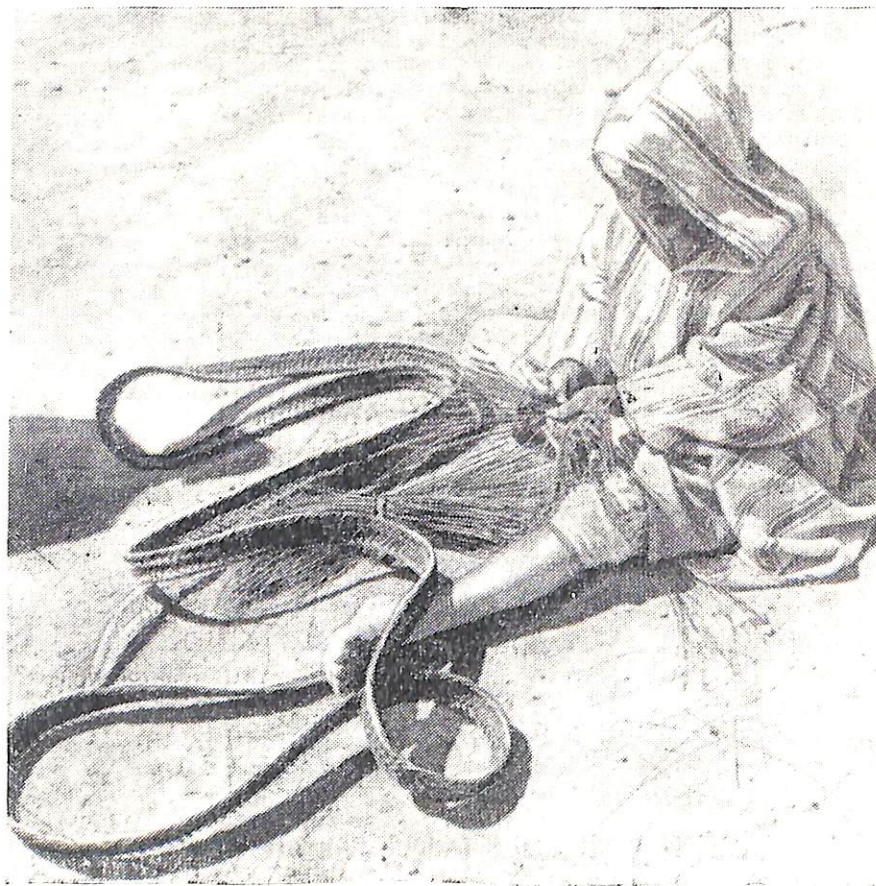
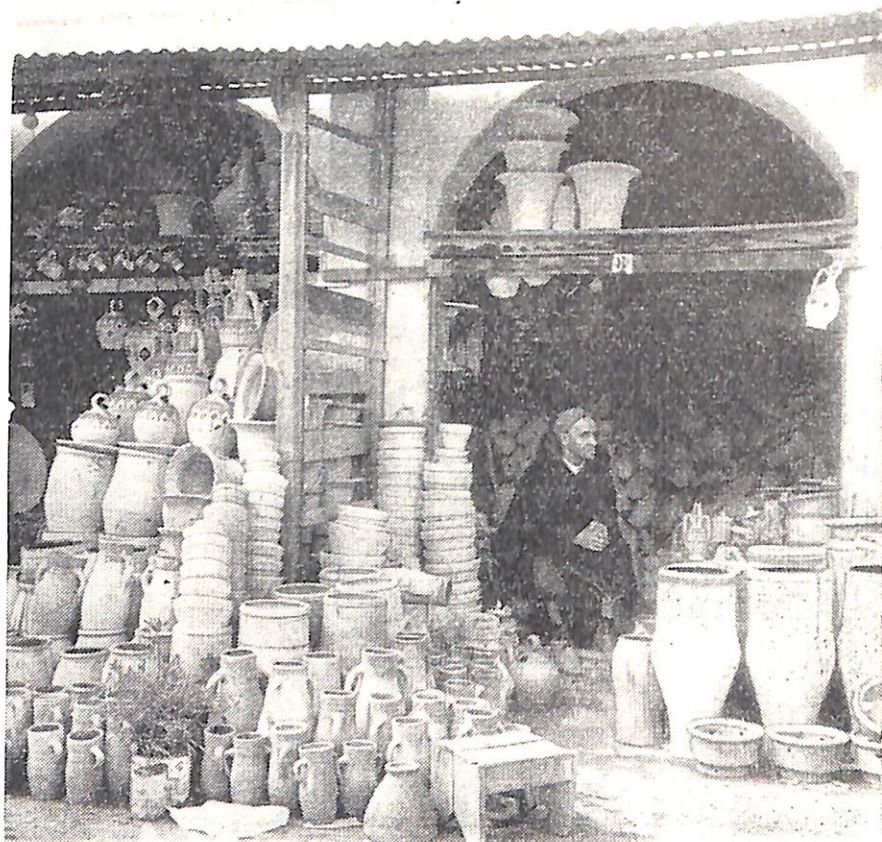
Узорчатые чугунные решетки окон, красочные витражи, бронзовые двери, мраморные лестницы и бассейны, старинные светильники из кованого ажурного железа... Сколько труда и выдумки вложено в то, чтобы появились на свет такие жемчужины национального зодчества, как загородная королевская резиденция Дар-эс-Салам под Рабатом, столичный дворец короля Рияд, дом богатой семьи Тази в том же Рабате, дворец М'Хеби в Фесе и многие другие творения гениальных, но зачастую безвестных художников. На их сооружение уходили годы и годы. Достаточно сказать, что для создания одного квадратного метра мозаичного орнамента мастеру

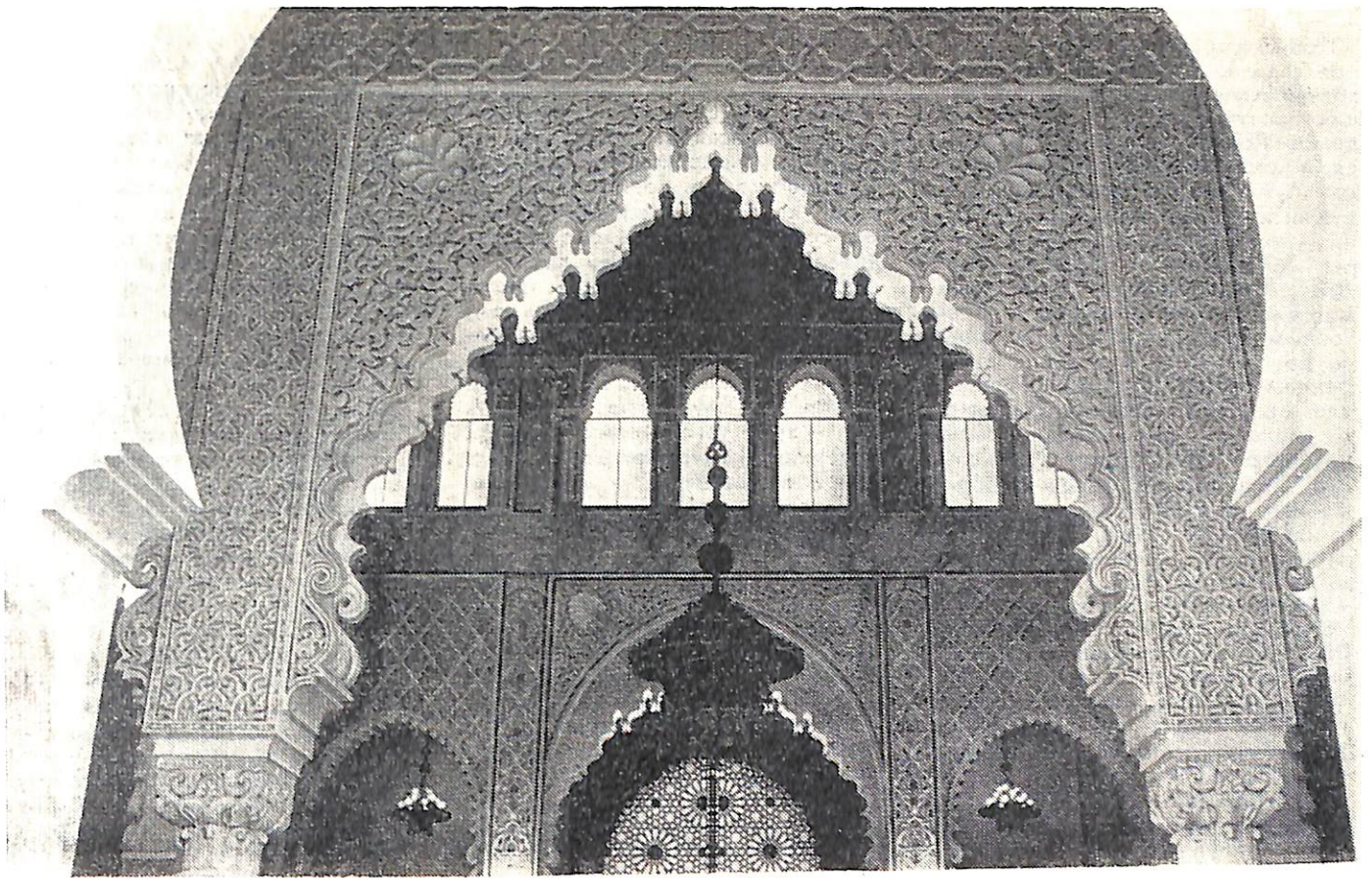
*Старинный город марокканский
Марракеш.*

*На снимке: Гончарная лавочка
на городском базаре (фото
вверху).*

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

*Марокканский крестьянин в традиционной
галабии за плетением
корзин.*

Рабат — столица Марокко. Арка входа в королевский дворец, построенный в старинном мавританском стиле.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

требуется от двух до четырех месяцев: ведь на этом пространстве надо уложить от десяти до двадцати тысяч разноцветных кусочков фаянса.

В спрятанные за семью замками внутренние покои дворцов попасть удастся лишь немногим, но о том, как они выглядят, можно получить представление, посетив саадийские гробницы в Марракеше, относящиеся к XVI веку, дворец Бахия, построенный там же в конце XIX века по приказу великого визиря — сейчас это музей, — и, конечно же, великолепное медресе XIV века Бу-Инания. Когда эмиру Абу Инану доложили, во что обошлось его сооружение, он невозмутимо ответил: — «Ведь это прекрасно и радует глаз. И нет такой платы, которая могла бы показаться чрезмерной».

Да, марокканские владыки и их вельможи не скупилась на расходы, когда хотели увековечить себя. А вот имена художников, к сожалению, не сохранились, хотя их произведения оказались бессмертными.

Один из современных шедевров — мавзолей Мохаммеда V. Четыреста опытных мастеров отдали этому делу весь свой незаурядный талант. И над обрывистым берегом Бу-Регрега за несколько лет возник прекрасный ансамбль: беломраморный куб гробницы под четырехскатной крышей из традиционной изумрудной черепицы, просторная мечеть — уменьшенная копия той, что служит украшением Кордовы, мемориальный музей. К входу в мавзолей ведет широкая лестница из белого каррарского мрамора. Все это гармонично сочетается с полуразрушенными кирпичными стенами, окружающими остатки монументальной колоннады мечети XII века, и с ее высоким минаретом — знаменитой башней Хасана. Совсем еще недавно можно было видеть резчиков по камню, трудившихся над порталом мавзолея, наблюдать за медленной, кропотливой работой укладчиков мозаики и скульпторов, колдующих над узорами из гипса. Искусство не любит торопливости: впереди вечность...

Но вернемся из дворцов в хижину. Обитателю палатки или глинобитной хибарки приходится туго, если он в состоянии покрыть земляной пол лишь циновкой из тростника или пальмовых листьев, а не пушистым, мягким ковром. Да и в городской квартире с каменными полами ковер — далеко не роскошь, а необходимость. Поэтому пристрастие марокканцев к коврам — не прихоть.

Традиции в ковроткачестве у марокканцев свои, оригинальные, даже в тех случаях, когда рисунок оказывается заимствованным. Надо сказать, что такое заимствование — скорее исключение, чем правило: речь может идти, пожалуй, только о знаменитых рабатских коврах, родина которых — Малая Азия, и о современных коврах с рисунком модерн или совершенно гладких, без всякого рисунка, изготавливаемых по желанию заказчика в мастерских Управления ремесел. Но и они отличаются присущим всем марокканским коврам длинным ворсом, придающим любому рисунку несколько размытые очертания.

Происхождение рабатских ковров связано с легендой об аисте, обронившем занесенный из Турции лоскут на террасу одного из домов Рабата. Рисунок понравился, и местные мастерицы — а ковры ткют в Марокко женщины, девушки и совсем маленькие девочки — начали создавать новые ковры, непохожие на традиционные. Для рабатского ковра характерны многокрасочные бордюры с цветочным орнаментом, идущие один за другим от края ковра к внутреннему полю красного, розового или малинового цвета, усыпанному мельчайшими узорами вокруг крупного центрального медальона. Ценители с богатым воображением сравнивают такой ковер с идеальным садом, населенным редкостными растениями и чудесными цветами грез. За старинными рабатскими коврами охотятся коллекционеры, готовые заплатить бешеные деньги. Делают подобные ковры и сейчас, причем не только в Рабате, но и в Касабланке, а некоторые фесские купцы утверждают, что самые лучшие «рабатские» ковры изготовлены в Фесе. Впрочем, «марокканские» ковры делают и вдали от Марокко. Их популярность настолько велика, что в некоторых странах Западной Европы налажено производство подделок, снабжаемых этикетками с надписью «Сделано в Марокко».

Марокканское ковроткачество определяется берберскими традициями, уходящими в глубь веков. Все берберские ковры отличаются одной общей чертой: простым, на первый взгляд, рисунком геометрического орнамента, нередко асимметричным, отсутствием радужной пестроты. Ромбы, квадраты, зигзаги, какие-то таинственные знаки, два-три цвета — вот почти и весь арсенал изобразительных средств. А какое удивительное разнообразие неповторимых вариантов, подсказанных окружающими пейзажами и материалом, использованным для изготовления того или иного ковра! Интересно, что эти ковры — точно такие же, как те, что украшали жилище бербера сто, двести, тысячу лет назад, — вдруг оказались вполне отвечающими требованиям нынешней моды и самым естественным образом вписались в современный интерьер, вызвав большой спрос на западноевропейском рынке. Пышность ворса плотных, тяжелых ковров из овечьей шерсти, необычная длина кистей, прелесть живых натуральных красок, радующих глаз, создают комфорт и уют.

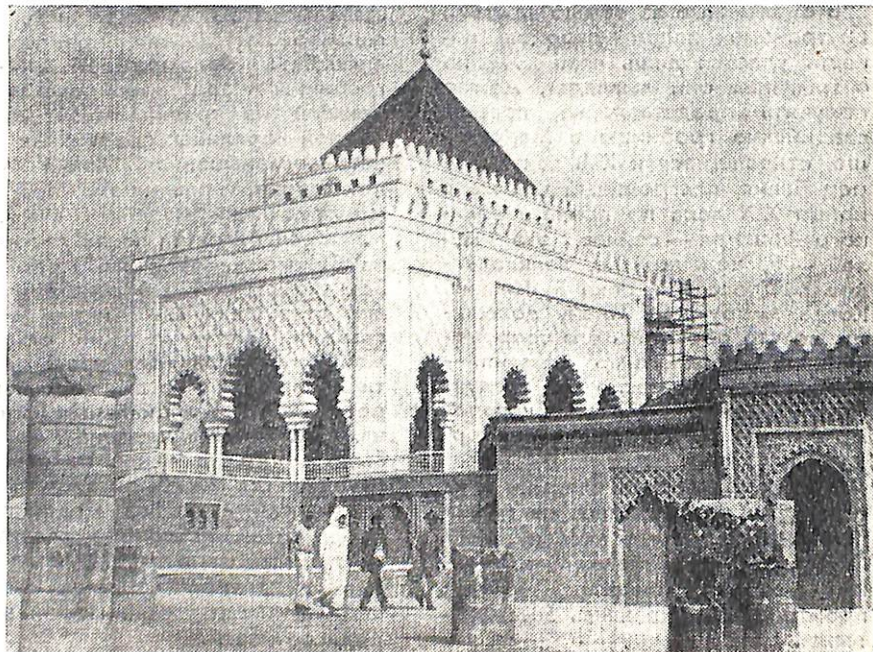
Когда-то ковры ткали в палатках сразу же после жатвы. Каждая семья — своей. Ковер был главной «мебелью» в семейной палатке, спасая ее обитателей от сырости. Нередко на помощь ковровщице приходил муж или отец, конструировавший рисунок. Из семейного производства родилась целая кустарная промышленность, свято хранящая традиции. Ковры таких племен, как земмуры, зайяны, аит-сегрушен, бенимгильд, аит-айюб, и многих других избежали угрозы превращения в музейную редкость или — хуже того — исчезновения и забвения. Искусство берберского ковра живет. Причем не только благодаря усилиям профессиональных ремесленников. Домашнее ковроткачество отнюдь не изжило себя. В дуарах Среднего и Высокого Атласа в полутемных хижинах и в палатках рождаются произведения народного искусства, способные удовлетворить самый взыскательный вкус.

Любопытно, что самыми «берберскими» считаются так называемые ковры Шишауа, хотя изготовляют их потомки бедуинов из племени уляд-бессеба, переселившиеся на равнину Хауз из Сахары в конце XIV века. Эти ковры легко узнать по преобладанию красных тонов. Наиболее распространенная вариация — гладкий ковер ярко-красного, кирпичного, темно-красного или розового цвета с

зигзагообразной черной линией вдоль края или несложным геометрическим рисунком в центре. На некоторых коврах вытканы какие-то символы, колдовские знаки, стилизованные скорпионы, сколопендры, зубчатые лапы... Творец ковра сам не сумеет разъяснить, что все это обозначает. Так делали в старину, далеко отсюда, в песках Сахары. Значит, так надо. И незачем угадывать таинственный смысл рисунка, ибо что же в нем останется таинственного, если он поддается разгадке...

В каждом доме селений уляд-бессеба есть ковроткацкий станок. В свободное от полевых работ, занятий по хозяйству время женщины, молодые и старые, моют козье и овечьё руно, вычесывают его, прядут шерсть, красят ее и ткют свои замечательные ковры, не задумываясь о том, под каким именем они дойдут до покупателя. Да и покупателя-то они не знают, потому что ковры отвозят километров за тридцать в торговый городок, что стоит на большой дороге, на полпути из Эссауиры в Марракеш. И уже отсюда они расходятся по всей стране и идут за границу как «ковры Шишауа» — так зовется этот городок, получивший известность благодаря шедеврам, сотворенным руками мастериц, даже не предполагающих, что они по праву могут считать себя настоящими художницами.

Мавзолей Мохаммеда V в Рабате.
Фото ТАСС

РЕЮНЬОН: ТРЕБУЮТСЯ ПЕРЕМЕНЫ

С. КУЛИК

САТЫЙ чиновник иммигранционных властей, не поднимая глаз, перелистал мой паспорт, проштемпелевал анкету и лишь потом обратился ко мне:

— Досиживаю здесь последний год перед пенсией, но впервые вижу на Реюньоне людей из коммунистической страны. Да, времена меняются...

Затем — долгое ожидание в очереди к таможеннику, который скрупулезно, до последней мелочи, перебирал вещи у всех прибывших пассажиров. Коммерсант-индиец — я познакомился с ним в самолете, летящем с Маврикия — объяснил: «Почти все товары привозят на Реюньон из Франции, за 12 тысяч километров. Поэтому у нас все очень дорого, намного дороже, чем на соседнем Маврикии, получающем многие продукты из бывших английских колоний в Африке. Отсюда — спекуляция, контрабанда».

Маврикий и Реюньон — острова-братья, два гигантских вулкана, появившихся в далекую геологическую эпоху со дна морского. Вместе с островом Родригес они образуют Маскаренский архипелаг, помеченный едва заметными точками на карте Индийского океана. Название архипелаг получил по имени своего первооткрывателя португальца Педру де Машкареньяша, побывавшего здесь в 1507 году. Однако португальцы не смогли закрепиться на островах, и в середине XVII века их прибирает к рукам Франция. В период наполеоновских войн Маскарены захватывает Англия, но по Венскому договору 1815 года Реюньон вновь делается французским владением. Кстати, в переводе с французского языка «Реюньон» означает «воссоединение». Сегодняшний Реюньон, как и ряд других территорий со значительным французским населением — Гваделупа, Мартиника, Гвиана, — считается «заморским

департаментом» Франции. Его 410-тысячное население, как и население метрополии, избирает своих представителей во французский парламент.

Обо всем этом я прочитал в ярком рекламном проспекте для туристов все в той же очереди к таможеннику. Потом облаченный в красную феску носильщик отнес мой чемодан в машину, и молодой таксист начал расхваливать достоинства отелей, в которых обычно останавливаются иностранцы. Я выбрал отель «Лябурдене», расположенный на берегу океана, там, где начинается рю де ля Виктори — центральная улица реюньонской столицы Сен-Дени.

СТОЛИЦА В СТИЛЕ ЛУИ XVI

По масштабам крохотного Реюньона, площадь которого едва превышает две с половиной тысячи квадратных километров, Сен-Дени — довольно большой город. Он начинается у океана, амфитеатром поднимаясь вверх по склонам гор.

Вблизи порта и примыкающего к нему недавно созданного индустриального района, где повлажной и жарче, живет рабочий люд, чуть повыше — мелкие чиновники и торговцы. Эта часть города, застроенная одноэтажными белыми домиками с обязательными крохотными палисадниками, оживленной уличной жизнью, дешевыми бистро и тавернами, приютившимися в тени деревьев, напоминает провинциальные города юга Франции. Дальше, там, где улицы начинают резко подниматься вверх, где с гор дует освежающий ветер, появляются дворцы плантаторов и виллы промышленников, дорогие гостиницы для туристов.

На рю де ля Виктори и в скверах много памятников — француз-

скому губернатору острова Лябурдене, авиаторам, которые первыми преодолели Индийский океан и добрались воздухом до Реюньона, Леконту де Лилю — уроженцу острова, замечательному французскому поэту, воспевшему в своих стихах природу Африки. Пересекая площадь у величественного дворца префектуры, рю Виктори также начинает ползти вверх. Это самая старая часть города, застроенная особняками и зданиями правительственных учреждений в стиле Людовика XVI.

Другая основная магистраль Сен-Дени — рю Леклерк. Ранним утром, когда еще опущены жалюзи магазинчиков, а двери и окна многочисленных лавок прикрыты обшарпанными ставнями, улица кажется унылой. Но через час-другой ее уже не узнать. Фасады торговых зданий расцветаются пестрыми солнечными тентами, прямо на тротуарах появляются груды товаров, многоголосая толпа устремляется на рынок. Здесь можно увидеть и старую, как будто сошедшую со страниц флореровских романов, французенку в черном салопе и длинном платье с бесконечными оборками, и бородатого араба в белой галабии, и красавицу-креолку в ярком нейлоновом одеянии.

Высадившись в середине XVII века на побережье Реюньона, французы начали заселение тогда необитаемого острова. За первое столетие колонисты, знавшие толк в гастрономии, почти полностью извели на бульон черепах, съели голубей, уничтожили птицу додо, но мало продвинулись в освоении острова. Не хватало рабочих рук. И тогда Лябурдене решил эту проблему в духе своего времени: начиная с 1735 года на остров с Мадагаскара и Занзибара доставляли крупные партии рабов — африканцев и мальгашей, а позднее — тысячи законтрактованных рабочих-тамилы с Малабарского